

сти. В. Ф. Иванов правильно подметил, что «Ведомости о народах Сибири» и «Описание» («Описание... о нравах, качестве и обхождении находящихся в окрестности и ведомстве города Якуцка... иноверцах...», «Описание обитающих в Якутской области якутах...» и др.) были составлены по единой программе и отвечали единым требованиям. Последние обуславливались тем, что правительству необходимы были сведения географического, этнографического и экономического характера о Сибири вообще и о Якутской области в частности.

Во втором разделе третьей главы дан анализ деятельности участников академической экспедиции 1768—1774 гг., географической и астрономической экспедиций 1785—1792 гг. и разобраны сочинения иностранных путешественников В. Кокса и Ж. Б. Лессепа.

Много внимания уделил автор разбору труда И. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», который не утратил своего значения и до сих пор, несмотря на иногда неточные сведения об отдельных народах. К сожалению, В. Ф. Иванов не подошел к этому труду критически, а это следовало бы сделать. Ведь сравнивая сведения И. Георги с данными И. Г. Гмелина, можно прийти к выводу, что во многих случаях И. Георги был компилятором. Не указывая использованных источников, он перенес в книгу 1776 г. наблюдения начала века.

Говоря о географической и астрономической экспедиции 1785—1792 гг., В. Ф. Иванов останавливается только на материалах Г. Сарычева и К. Мерка. К сожалению, не привлечены автором дневники руководителя экспедиции И. И. Биллингса (Центральный государственный архив Военно-Морского Флота, ф. 913, № 160 и др.), где имеются интересные материалы о якутах.

Сведения из записок В. Кокса и из журнала Ж. Лессепа весьма интересны, но когда В. Ф. Иванов говорит о материалах Ж. Лессепа, видно, что автор пользовался русским переводом, а не подлинником книги. В русском переводе по сравнению с французским текстом отсутствуют интересные места, содержащие этнографические данные.

Нам кажется, что в данной главе уместно было бы сказать и о поляке Юз. Копце — участнике восстания Т. Костюшки, взятом в плен в 1794 г. и сосланном на Камчатку. Проезжая по Сибири, Копец много внимания уделил сбору этнографических материалов. В его дневнике, вышедшем, правда, в свет уже в XIX в., находим интересные данные о якутах².

В этом же разделе следовало бы упомянуть и о сосланном в Сибирь немецком почтмейстере из Пиллау Л. Вагнере. Он попал в плен в 1759 г., а в 1789 г. вышли его записки, содержащие этнографические материалы о некоторых народах Сибири, в том числе и о якутах³.

Несмотря на отмеченные пропуски, вполне возможные в такой большой и сложной работе, и не всегда критический подход к источникам, рецензируемая работа должна быть признана очень ценной для историков и этнографов Сибири.

З. Д. Титова

² «Dziennik podróży Jósefa Kopcia...», Wrocław, 1837.

³ L. Wagners gegenwärtig Königl. Preuss. Postdirektors zu Graudenz..., Berlin, 1789.

Народная поэзия рабочих Сибири. Составление, вступительная статья и примечания Л. П. Кузьминой. Улан-Удэ, 1974, 260 стр.

Рецензируемый сборник, составленный сотрудницей Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР Л. П. Кузьминой — первая антология рабочей поэзии Сибири.

Книга содержит 212 текстов, хронологически охватывающих огромный период, — от середины XVIII в. до второго десятилетия XX в. Наряду с ранее опубликованными в нее вошли и новые записи. Значительная часть их (57) была сделана в разные годы фольклорными экспедициями Бурятского института общественных наук и хранится в рукописном отделе Бурятского филиала СО АН СССР. 23 текста извлечены составителем из краевых (Алтайский, Красноярский) и областных (Кемеровский и Тобольский фонд Тюменского) архивов Сибири, а также из рукописных отделов сибирских музеев (Горно-Алтайский, Минусинский им. Н. М. Мартыанова, Тобольский, Читинский) и Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; 4 текста — из архива Географического общества (Ленинград) и 2 — из рукописного отдела Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Часть их (в отрывках) уже появлялась в печати, но полностью они еще не публиковались. 56 текстов взяты из личного архива Л. Е. Элиасова, известного собирателя и исследователя русского фольклора Восточной Сибири, редактора рецензируемой книги, в мае нынешнего года скончавше-

гося на Камчатке во время экспедиции. В целом свыше 100 текстов опубликованы впервые.

Сборник Л. П. Кузьминой значительно расширяет и отчасти меняет сложившееся представление не только о песенном творчестве сибирских рабочих, но и о русской рабочей песне в целом. Он впервые знакомит нас с песнями рабочих Петровско-Забайкальского железнодорожного завода (№ 32—37), сибирских солеварен (№ 40—43) и Тельминской суконной фабрики (№ 51—64), основанных еще в XVIII в., а также с творчеством одного из самых молодых отрядов рабочего класса дореволюционной Сибири — строителей Сибирской железной дороги (№ 126—154). Книга значительно обогащает и наше представление о песнях рабочих золотых приисков — ни в одном сборнике сибирского фольклора они не представлены так широко, как здесь (№ 68—117). При этом подавляющее большинство их (34 текста из 50) публикуются впервые. Огромный интерес для исследователей рабочего фольклора представляет и публикация «поносительной песни» рабочих Змеиногорского рудника «Яко мы не умеем сами буров заряжать» (№ 1), обнаруженной в делах канцелярии Колыванско-Воскресенского горного начальства (1754 г.). Подлинные записи рабочих песен XVIII в. насчитываются единицами, поэтому находку Л. П. Кузьминой можно рассматривать как открытие.

Материалы сборника — убедительное свидетельство того, что в наши дни старую рабочую песню надо искать в архивах (в том числе и фольклорных), в периодических изданиях XIX — первой половины XX в., в нелегальной и профсоюзной прессе начала века, в революционных песенниках этого времени, а также в мемуарах рабочих и тесно с ними связанных революционеров-профессионалов (в настоящем сборнике два последних источника использованы недостаточно). Полевые же исследования при изучении старой рабочей песни в наши дни оказываются малоэффективными, так как хранителей дооктябрьского рабочего фольклора осталось крайне мало. «Золотым веком» его записи были 1930—1940 гг., что подтверждается и рецензируемым сборником. Достаточно сказать, что именно на эти годы приходится запись почти половины опубликованных в нем текстов (98). Записи же 1950—1970 гг. составляют всего около одной седьмой (33), да и качество их (сохранность текстов) значительно хуже.

Сборник открывается вступительной статьей составителя «Народная поэзия рабочих Сибири» (стр. 3—33), содержащей обзор всех опубликованных в нем тематических групп песен. Дан он на фоне краткой истории формирования основных отрядов рабочего класса Сибири. Тексты расположены по хронологическому и тематическому признакам и распределены по шести разделам: песни горного промысла (стр. 34—61), фабрично-заводские (стр. 62—82), песни рабочих золотых приисков (стр. 83—130), шахтеров (стр. 131—135), строителей Сибирской железной дороги (стр. 136—156), революционные песни (стр. 157—215). Закономерность такой группировки и последовательности расположения песен убедительно показана во вступительной статье. Все тексты снабжены примечаниями (стр. 216—252), имеется алфавитный указатель текстов (стр. 254—255).

Книга «Народная поэзия рабочих Сибири» знакомит нас не только с тематическим, но и с жанровым многообразием песенного творчества сибирских рабочих и содержит ценный материал для изучения путей формирования рабочей песни. Особый интерес в этом плане представляют традиционные народные песни, получившие новое звучание в процессе бытования в рабочей среде (№ 25, 58, 131 и др.), сибирские варианты песен сезонников, попавших сюда из Центральной России (№ 47, 74), а также песни рабочих, созданные в традициях причета (№ 27, 43), протяжных лирических (№ 38, 70, 85), плясовых и хороводных (№ 34, 35, 37, 62 и др.), городских песен, в том числе и литературного происхождения (№ 19, 64—66, 118, 124, 143 и др.).

Однако составитель, по-моему, слишком широко трактует понятие «народная поэзия рабочих», включая в нее и песни бродяг (№ 16, 68, 69), и традиционные народные песни, не претерпевшие сколько-нибудь заметных изменений в рабочей среде (№ 14, 24, 45, 57, 60, 61), и солдатские песни периода русско-японской (№ 191) и первой мировой войн (№ 205, 206). Все они могли входить в устно-поэтический репертуар рабочих, но вряд ли были ими созданы. Спорной мне представляется и публикация малохудожественных компилятивных (№ 19, 29, 207) или очень разрушенных песен, точнее, отрывков из них (№ 4, 42, 50, 194, 196). Последние лучше было бы дать в примечаниях.

Как уже отмечалось, тексты в сборнике расположены по тематическому и хронологическому принципам. И хотя составитель предупреждает, что деление на разделы весьма условное (стр. 216), хотелось бы все же более строгого отбора текстов по тематике в разделе «Революционные песни». Не совсем понятно, почему он открывается песней «Славное море, священный Байкал» — революционной ее можно назвать с большой натяжкой. Не на месте здесь и тюремные песни (№ 157—160). Их следовало бы выделить в особый раздел и, поскольку для Сибири этот жанр особенно характерен, таких песен можно было дать значительно больше. Попутно замечу, что последний раздел наименее удачен по подбору текстов и не дает полного представления о революционных песнях, бытовавших в Сибири. Возможно это объясняется тем, что Л. П. Кузьмина, сосредоточив основное внимание на работе в архивах, недооценила такой источник, как сборники революционных песен, издававшиеся в первой четверти XX в. в различных городах Сибири. Очень жаль, что из ее поля зрения выпали «Песни Великой Российской революции», изданные в Иркутске книгоиздательством «Свободная Россия» вскоре после Фе-

вральской революции¹. В этом сборнике опубликованы все гимны и марши революционного подполья, «Дубинушка» и «Машинушка», агитационные солдатские песни 1905 г. (в том числе один из ранних вариантов «Солдатской Марсельезы»), а также песни, редко или вовсе не встречающиеся в аналогичных сборниках. Среди них особенно интересны: «Ссылным и каторжным» (По рельсам железной дороги стремительно поезд идет...), «Революция 1917 года» (Залита кровью родная страна...), «Акафист новоявленному угоднику, Григорию Распутину» и «Веселая песенка» (Друзья, нам плохо здесь живется...). Все тексты хорошей сохранности и любой из них мог украсить сборник.

Если тематический принцип в книге в основном выдержан, то хронологический нарушается довольно часто. Так, например, в первом разделе песни «Шумит тайга, шумит глухая» (№ 16), явно поздняя, оказалась почему-то среди песен, возникших в XVIII в. Песни «Я вечер-то, добрый молодец» (№ 25) и «Мать ты наша, Катеринушка» (№ 27), появившиеся, по всей вероятности, еще в конце XVIII или начале XIX в., помещены после названной выше (№ 16) и «Сибирские заводы» (№ 19), созданных, судя по их форме, не ранее последней четверти XIX в. И уж совсем непонятно, почему заключает раздел песни «Злой хозяин нанасытней» (№ 31), в первой публикации датированная собирателем (Л. Е. Элиасовым) XVIII веком. Видимо, Л. П. Кузьмина придерживается иного мнения относительно хронологической приуроченности текста, однако в примечаниях это не оговаривается.

Особенно часто хронологический принцип нарушается в последнем разделе. Так, после стихотворений и песен, появившихся в нелегальных сборниках в 1905 г. — «Призыв» (№ 162), «Клятва» А. Коца (№ 164), «Машинушка» (№ 166) — следует отрывок из песни, популярной среди революционеров с середины 1880-х годов (№ 170). Стихи и песни «1 мая» (№ 187), «Сказка о попе и черте» (№ 188) и «Говорили царю» (№ 195), опубликованные впервые в 1899 г., что, кстати, отмечено и в примечаниях, помещены после песен о событиях 1905 г., а стихотворения «Песнь рабочих» и «Из-за матушки за Волги» (№ 211, 212), известные в публикациях 1905 и 1906 гг., оказались после стихов и песен, появившихся в годы первой мировой войны (№ 199—202, 210). Возможно, эта путаница с хронологической приуроченностью революционных песен объясняется стремлением Л. П. Кузьминой расположить их в порядке появления (публикации) в Сибири? Не берусь судить, насколько такая последовательность песен соответствует действительности, но картину развития революционной рабочей поэзии она несколько искажает. Мне кажется, правильнее было бы за основу хронологии взять первую публикацию, как это принято во всех сборниках революционной поэзии.

Ряд досадных неточностей (небрежностей?) и упущений встречаются и во вступительной статье, и в примечаниях. Так, например, на стр. 30 Л. П. Кузьмина сообщает о «любопытном варианте исторической песни, начинающейся словами „Там, где Плевна...“, хранящемся в Тобольском филиале государственного архива Тюменской области. В сборнике текст этот опубликован под номером 170. В примечании к нему (стр. 245) указывается, что текст «представляет контаминацию двух народных песен. Последний куплет почти полностью совпадает с песней «Дубинушка». В действительности это контаминация двух строф из стихотворения А. А. Ольхина «У гроба» (1878 г.) и последнего куплета «Дубинушки» того же автора. Судя по сборникам революционных песен, зафиксировавшим песенный репертуар русского революционного подполья конца XIX — начала XX в., эти две строфы включались в «Дубинушку» довольно часто. Как правило, они предшествовали одной или двум последним ее строфам. Следовательно, приведенный в сборнике текст — отрывок из «Дубинушки», правда плохой сохранности, но с редко встречающимся рефреном.

Несомненный интерес не только для фольклористов, но и для этнографов представляют примечания, содержащие разностороннюю информацию. К сожалению, не все они равноценны, что, видимо, объясняется состоянием источников. В подавляющем большинстве примечаний наряду с указанием источника и первой публикации сообщаются сведения о времени и месте записи, об исполнителе и, что особенно ценно, о характере бытования и степени популярности текста. Там, где это необходимо, сообщаются исторические и этнографические сведения, разъясняются местные слова, специальные термины, географические названия, расшифровываются имена и фамилии лиц, упоминаемых в песнях. Однако время их деятельности почему-то не указывается, хотя, судя по предисловию, составитель такими данными располагает. В отдельных случаях в примечаниях приводятся варианты опубликованных текстов, если они проливают свет на историю возникновения текста или его бытования. К сожалению, не всегда указывается, где можно отыскать упоминаемые в примечаниях, но не опубликованные варианты (например, № 20, 31, 58 и др.). А ведь такие сведения избавили бы исследователей от излишней затраты времени на поиски уже найденного сравнительного материала. Хотелось бы также, чтобы при комментировании песен, известных, а зачастую и возникших в Центральной России (№ 47—49, 66, 74, 119, 120, 123, 124), составитель вышел за рамки сибирского материала. Это способствовало бы более объективной оценке текстов

¹ «Песни Великой Российской революции. Сборник, состоящий из 50 самых популярных революционных песен с нотами», Иркутск, 1917. В нем опубликовано 48 текстов и 23 мелодии к ним. По количеству мелодий революционных песен этот сборник не имеет себе равных. К сожалению, он до сих пор не был использован исследователями.

и помогло бы глубже раскрыть связь песенного творчества рабочих Сибири и Центральной России.

В любой большой работе есть какие-то огрехи и рецензируемая книга не составляет исключения. Однако несмотря на отмеченные недостатки, сборник «Народная поэзия рабочих Сибири» несомненно заметное явление в советской фольклористике.

В недалеком будущем предполагается издание многотомного свода русского фольклора Сибири. В его составе должен быть и том, посвященный рабочему фольклору. Подготовленный Л. П. Кузьминой сборник бесспорно хорошая основа для будущего издания.

Н. С. Полищук

Русские народные сказки Карельского Поморья. Составители А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974. 302 стр.

Известно, что Карелия славится фольклором — карельским и русским. Классические собрания былин Рыбникова и Гильфердинга, северных причитаний Барсова и многие другие обязаны своими великолепными текстами «Исландии русского эпоса», как называли Олонецкую губернию. Не менее богата Карелия и сказками¹.

Отдельные тексты русских сказок были записаны в Карелии в 40-х гг. XIX века. Однако систематически сказки стали записываться в Карелии относительно недавно — только с начала XX века. Достаточно ясную картину русской сказки, бытовавшей среди русского населения Карелии, дал лишь сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки», вышедший в 1909 году. Как известно, в него вошли записи, сделанные в разное время Ончуковым, Шахматовым, Георгиевским и Пришвиным. Об этом сборнике В. И. Ленин сказал: «Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни».

Работа по собиранию русских сказок Карелии приняла широкий и планомерный характер лишь в советское время. Особенно примечательны в этом смысле записи 20-х годов, выполненные И. В. Карнауховой и А. И. Никифоровым. Материалы И. В. Карнауховой были опубликованы в 30-е гг., а замечательный сборник А. И. Никифорова, погибшего во время блокады в Ленинграде, был издан лишь в 1961 г. В. Я. Проппом. Широко известны русские сказочники Карелии М. М. Коргуев, сказки которого в записях А. Н. Нечаева были изданы в 1939 г. и Ф. П. Господарев; его сказки в записях Н. В. Новикова вышли в 1941 г.

Как в довоенные годы, так и в послевоенное время в Карелии велась планомерная собирательская работа сотрудниками Карельского филиала АН СССР, преподавателями и студентами Петрозаводского государственного университета и Педагогического института. Кроме того, туда постоянно выезжали экспедиции из Ленинграда и Москвы. В результате усилий большого числа собирателей фольклорный архив Карельского филиала АН СССР — один из богатейших в стране. Немудрено, что он стал местом паломничества советских сказковедов.

Однако с 1941 г. до 1974 г. в Карелии новых сборников сказок не издавалось, отдельные публикации появились только в популярных сборниках (напр. К. В. Чистова «Перстень — двенадцать ставешков») или антологиях («Русская сказка в Карелии» М. К. Азадовского). Следовательно, перед нами сборник новых текстов после перерыва в 30 с лишним лет. Это накладывает на его составителей особую ответственность. Следует сказать, что они прекрасно справились с поставленной задачей.

Рецензируемый сборник не только продолжает серьезную публикацию русских сказок Карелии, столь удачно начатую в 30-е годы, но одновременно заставляет вспомнить о фольклорных публикациях последних лет, посвященных фольклору беломорских поморов, — сборниках Д. М. Балашова «Сказки Терского берега», Д. М. Балашова и Ю. М. Красовской «Свадебные песни Терского берега» и А. П. Разумовой «Песни Белого моря», изданных в начале 70-х гг. Институтом истории, языка и литературы Карельского филиала АН СССР.

В рецензируемом сборнике впервые публикуются 72 сказки разных жанров, записанные в 1935—1969 гг. от 39 сказочников, преимущественно пожилых женщин. Среди этих сказок преобладают волшебные, что по наблюдениям собирателей вообще характерно для репертуара русских сказочников Карелии.

Автор вводной статьи, открывающей сборник, А. П. Разумова справедливо отмечает как своеобразную черту местной традиции наличие длинных сказок, сюжетно многосложных, т. е. образованных в результате введения в традиционную схему дополнительных эпизодов. Она объясняет это условиями быта и труда поморов и приводит любопытные высказывания старых рыбаков о том, как во время шторма приходилось сидеть без дела по несколько суток. «На море как соберутся в избушке, так

¹ См. «Русские сказки в Карелии (старые записи)». Подгот. текстов, статья и комментарии М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947, стр. 24.

² В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин о народном творчестве. «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 118.